

5. Алексеев С.С. Тайна права: Его понимание, назначение, социальная ценность. М., 2001.

6. Толстой Л.Н. Путь жизни / сост., коммент. А.Н. Николукина. М.: Высш. шк., 1993. 527 с.

7. Блажевич Н.В., Блажевич Т.А. Историческая экспозиция философии. Курс лекций. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 2002. 148с.

8. Блажевич Н.В. Нравственная оценка преступления как методологическая проблема // Юридическая наука и правоохранительная практика. Тюмень, 2018. №3 (45). С. 7-14.

В. К. Борецкая

доцент Гомельского государственного
технического университета имени П.О. Сухого

Д. Чакон-Тральски

адъюнкт Краковского Педагогического
университета имени КНО

Б. Плишка

адъюнкт Силезского технологического
университета

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ И ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ)

Аннотация. Статья посвящена анализу процессов секуляризации и десекуляризации в контексте исследования феномена религиозности студенческой молодежи. Исследуются результаты определения религиозной принадлежности и самоидентификации белорусских, российских, украинских и польских студентов.

Ключевые слова: секуляризация, десекуляризация, феномен религиозности, религиозная самоидентификация, студенческая молодежь, мировоззрение.

Процессы секуляризации в обществе определяют как снижение влияния религии в государстве, обществе и индивидуальном сознании. Соответственно, десекуляризацию определяют как возрастание социальной значимости религии. Данные процессы не являются линейными, современные исследователи определяют их как возвратные, маятниковые, взаимодополняющие. Юрген Хабермас отмечает, что секуляризацию следует понимать как двоякий процесс, предполагающий обучение, взаимопроникновение религиозного и светского [1, с. 67]. Фактически процессы секуляризации приводят к процессам десекуляризации и наоборот. Согласно концепции К. Добеллера, процессы секуляризации проявляются на трех уровнях [2], соответственно и процессы десекуляризации будут

обнаруживаться на разных уровнях. «Макроуровень» затрагивает процессы в обществе, «мезоуровень» – процессы в религиозных организациях и «микроуровень» – изменения индивидуального сознания. Одним из показателей, которые указывают на вектор данных процессов на микроуровне являются показатели религиозного самоопределения.

Процессы десекуляризации, расширение влияния церкви на уровне отношений церковь-государство могут приводить к процессам секуляризации на уровне общественного и индивидуального сознания, и наоборот агрессивная регламентация религиозной сферы со стороны государства, ущемление прав верующих, вмешательство государства во внутренние дела религиозной организации могут способствовать усилению авторитета религии, религиозной организации и приводить к процессам десекуляризации. В контексте одновременного существования светского и духовного, своеобразного маятника процессов секуляризации и десекуляризации, актуальным является исследование религиозности молодежи. Каких взглядов и позиций придерживается современная молодежь в условиях постиндустриального общества, множественности мировоззренческого выбора, который строго не регламентируется государством и обществом, как это было в эпоху «воинствующего» атеизма и агрессивного антиклерикализма.

Второе десятилетие XXI-го века, по мнению авторов, ознаменовалось достаточно неоднозначными событиями в религиозной сфере как в славянских странах, так и в странах Западной Европы, которые оказали влияние на религиозные процессы в обществе. Можно привести примеры процессов секуляризации и десекуляризации, хотя одни и те же события могут быть истолкованы как уменьшение влияния церкви на общественное сознание, в силу политизации религии, и как следствие уменьшение количества приверженцев, так и расширения её влияния в силу формальной поддержки государством и популяризации религиозных взглядов, позиций, заявлений представителей церковной иерархии, в том числе через государственные СМИ. Примером может быть поддержка государственных властей при формировании структуры Украинской православной церкви (Киевского патриархата) и оказании помощи для укрепления её канонических позиций в международном православном сообществе. Представители украинского правительства, по мнению политолога А. Козырской, придерживались, начиная от первого президента Украины Л. Кравчука, убеждения, что именно православная церковь, независимая от Московского патриархата, должна стать интегрирующей силой для украинского общества постсоветского периода [3].

В России таким неоднозначным событием было введение в 2012 году во всех регионах в школьную программу 4-5 классов учебного модуля «Основы православной культуры». Идея была замечательной, познакомить учащихся с основами вероучения, культовой практики, историей православия в России. Введение курса решало в определенной мере задачу снижения уровня религиозной безграмотности среди молодого поколения и защиты от манипуляций со стороны деструктивных сект и сторонников религиозного

фундаментализма. Вероятнее всего сам факт обязательности выбора одного из модулей комплексного курса «Основы религиозных культур и светской этики», ориентированность модуля «Основы православной культуры» на формирование патриотических ценностей, с акцентированием позиции православия как основного интегрирующего фактора для российского сообщества вызвал неоднозначную реакцию родителей и учеников. Согласно мнения российского философа С.А. Королева, процессы десекуляризации в современном российском обществе проявляются как «движение в сторону возврата религиозной монополии» [4, с. 8].

Конфессиональная ситуация в Беларуси, по мнению белорусского религиоведа В.А. Одиноченко, имеет свои характерные черты, а именно: признание поликонфессиональности на законодательном уровне и присутствие толерантности на уровне общественного сознания. Следует отметить, что на уровне законодательства признается особая интегрирующая роль Белорусской православной церкви Московского патриархата (БПЦ МП) в становлении и развитии белорусского общества. За последнее десятилетие больше всего, по сравнению с другими религиями и конфессиями, увеличилось количество религиозных общин БПЦ МП, при этом религиозность белорусов, как отмечает В.А. Одиноченко, «имеет декларативный характер и не подтверждается повседневными практиками» [5, с. 8], религиозная принадлежность не является основой мировоззрения.

Для польского общества болезненным стало принятие закона об абортах, на основании которого причины, по которым может быть разрешена данная процедура, четко регламентируются государством и основываются на медицинских показаниях. Продвижение закона об абортах лоббировали в том числе и представители епископата Римско-Католической церкви (РКЦ) в Польше. Мнение польского общества разделилось, что привело к массовым протестам в которых участвовали как молодежь, так и люди среднего возраста. Данные общественные процессы отразились на снижении религиозности и авторитета церкви в общественном сознании поляков. Осознанный моральный выбор женщины в пользу сохранения жизни ребенка, даже в случае, когда диагноз врачей неоднозначен, не может превратиться в обязательство, которое регламентируется государственным законом. Гораздо большее влияние имела бы РКЦ в Польше, расширяя деятельность волонтерских центров, оказывающих психологическую и материальную помощь матерям в ситуации сложного экзистенциального выбора.

В настоящем исследовании в качестве критериев для сравнительного анализа религиозности студенческой молодежи из Беларуси, России, Украины и Польши были изучены религиозная принадлежность и самоидентификация студентов. Эмпирической базой исследования является выборочный социологический опрос среди студентов и магистрантов дневной и заочной форм обучения, проживающих в Гомельской области в Беларуси, Московской и Тюменской областях в России, в Киевской и Черниговской областях в Украине и воеводстве Малопольском (административный центр Краков) в Польше. Данное исследование проводилось в 2017, 2018 и 2019 годах.

Выборочная совокупность включает 300 респондентов среди белорусских студентов, 150 – среди российских студентов, 110 – среди украинских студентов и 305 – среди польских студентов. Опрошенные студенты были в возрасте от 17 до 37 лет.

При анализе религиозной или конфессиональной принадлежности студентов в настоящем исследовании сосредоточимся на ответах большинства, а именно: какое количество идентифицирует себя как «православные», «католики», «мусульмане», «христиане» и «атеисты». По мнению авторов статьи, соотношение этих показателей в большей степени будет свидетельствовать об имеющихся тенденциях секуляризации или десекуляризации в студенческой среде. Следует учитывать конфессиональную ситуацию, складывающуюся в государствах, где проживают респонденты. В Беларуси, России, Украине религиозное большинство будут составлять православные, в Польше это будут католики.

Среди белорусских респондентов 50% определили себя как «православные», 4,3% как «христиане» и 30,3% как «атеисты». Соответственно среди российских студентов 30% декларировались как «православные», 23% - «христиане», 13% - «мусульмане», 23% - «атеисты». Ответы украинских студентов несколько отличаются, 46 % написали, что считают себя «христианами», 19% – «православными», 17% - атеистами. Возможно, в данных ответах мы наблюдаем реакцию украинских студентов на конфронтацию, которая существует по настоящее время между Украинской православной церковью Московского патриархата, Украинской православной церковью Киевского патриархата и Украинской автокефальной церковью православной. Студентам легче себя идентифицировать христианами или, как писали некоторые студенты, «православными христианами» в условиях сосуществования различных православных церквей, границы между которыми только формируются, процессов политизации религиозных организаций и инструментализации религии. Ответы польских респондентов существенно отличаются от ответов их восточных соседей, а именно 77% считают себя католиками, 1% опрошенных – христианами и 8,3% – атеистами.

Наибольшее количество студентов, которые обозначили себя как «атеист» было среди белорусских студентов. Наименьшее количество респондентов, которые декларировались «атеистами», было среди поляков, соответственно и большее количество респондентов, определяющих себя как приверженцы, последователи определенной конфессии тоже было среди польских студентов. Следует отметить, что многие польские исследователи отмечают снижение религиозности молодежи с началом нулевых XXI-го века, особенно эти процессы стали заметны после смерти Римского папы Иоанна Павла II [6, 7]. В социологии религии, религиоведении, богословии используется даже термин «поколение Иоанна Павла II», определяя поколение, юношеские годы которого прошли в 80-90 годы XX-го века, когда был явный религиозный подъем в польском обществе и Римский папа Иоанн Павел II, поляк по происхождению, был явным религиозным лидером для своих соотечественников. Процессы, происходящие в польском обществе в

эти десятилетия конца XX-го века можно охарактеризовать как достаточно интенсивные процессы декоммунизации и десекуляризации, поначалу это была борьба, а потом отказ от всего, что было связано с идеями марксизма-ленинизма, в том числе и с идеями атеизма и секуляризации. Следует подчеркнуть, что помимо наметившего снижения авторитета церкви и религиозности среди польской молодежи во втором десятилетии XXI-го века, показатели их религиозной самоидентификации все равно выше, чем у их восточных соседей.

Похожее распределение ответов, с выраженным преобладанием религиозных настроений среди польской студенческой молодежи можем наблюдать и при ответе на вопрос «Считаете ли Вы себя человеком верующим?» (таблица 1). Более трети среди белорусских респондентов (37,7%) утвердительно ответили на данный вопрос, 27,3% ответили отрицательно и 35% затруднились дать ответ. Среди российских респондентов большее количество, чем среди белорусских считают себя верующими (47,8%), неверующими – 25,7% и 26,5% затруднились с ответом. Схожие с ответами белорусских студентов, ответы украинской молодежи. 37,5% определили себя как «верующих», 27% – как «неверующие» и 35,7% затруднились дать ответ. Среди польских респондентов верующими себя считают 67 % опрошенных, неверующими – только 11 % и затрудняются с ответом 22% студентов. Следует также отметить, что 2 студента определило себя как «ищущие», т.е. находятся в процессе самоопределения по отношению к феномену религиозности. Следует отметить, что более трети белорусских и украинских респондентов затруднились с определением себя как «верующего» или «неверующего».

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы себя человеком верующим?»

Варианты ответов	Белорусские студенты	Российские студенты	Украинские студенты	Польские студенты
Да	37,7	47,8	37,5	67
Нет	27,3	25,7	27	11
Затрудняюсь ответить	35	26,5	35,5	22
Вместе	100	100	100	100

Среди польских студентов тех, кто позиционирует себя как верующий, значительно больше, чем среди белорусских, российских и украинских студентов. Данное явление можно объяснить различными условиями существования религиозных организаций в советское время на территории Беларуси, России, Украины и Польши. Религиозные традиции, опыт передачи знаний о религии в большей степени сохранился среди жителей Польши, не было кровавых репрессий против религии, церкви, священнослужителей. Можно утверждать, что процессы секуляризации на микроуровне в советский период в меньшей степени затронули польское общество, в отличие от их

стран соседок. Во второй половине 80-х годов XX-го века в общеобразовательный процесс был введен курс о религии, который успешно преподается по настоящий день. Родители вместе с детьми определяют характер данного курса, будет он иметь конфессиональный характер или это будет светская этика. Сформировалась методика преподавания, кадровый потенциал, конфессиональный курс имеют право преподавать священники или учителя, которые прошли курс богословия.

Следует отметить, что в ответах белорусских, российских, украинских студентов, равно как и польских, наблюдается несоответствие между определением своей религиозной принадлежности и самоидентификацией себя как человека верующего. Результаты анализа ответов респондентов показывают, что верующих среди респондентов меньше, чем количество приверженцев различных религий и конфессий. Авторы статьи сопоставили сумму показателей религиозной принадлежности к разным конфессиям с показателями самоидентификации верующих. Коэффициент данного несоответствия у польских респондентов гораздо ближе к единице 1,19 (80% к 67%), чем у белорусских – 1,44 (54,3% к 37,7%), российских – 1,38 (66% к 47,8%) и украинских 1,74 (65,6% к 37,5%) студентов. Количество студентов, которые отнесли себя к определенной религии оказалось больше, чем количество верующих. Результаты анализа сопоставления вышеназванных показателей подтверждают факт наличия замены религиозной самоидентификации культурной или ментальной у респондентов из всех стран. В меньшей степени данное явление выражено у польских студентов, в большей степени у украинских студентов. Подмена религиозной самоидентификации культурной указывает на процессы десекуляризации на макроуровне. У польских респондентов данный показатель стремится к показателю 1, т.е. наибольшему совпадению религиозной и конфессиональной самоидентификации, что может свидетельствовать о более высоком уровне религиозной грамотности, чем у восточных соседей, равно как снижении интенсивности процессов десекуляризации на макроуровне. Можно предположить, что украинские студенты в настоящее время находятся в большей степени под влиянием процессов десекуляризации на макроуровне, поэтому большая половина идентифицируют себя как «христиане» или «православные», но при этом только треть идентифицирует себя как «верующие».

В ходе исследования было выявлено, что у российских, украинских и польских представителей студенческой молодежи количество тех, которые идентифицируют себя как «неверующий» больше чем количество тех, которые идентифицируют себя как «атеист». Понятие «неверующий» воспринимается и как ищущий истину, это может быть агностик, деист, такие ответы тоже давали опрошенные студенты. Коэффициент соотношения данных показателей у российских респондентов 1,1 (25,5% «неверующие» к 23% «атеисты»), украинских – 1,8 (27% к 15%), польских – 1,3 (11% к 8,3%). Наибольшее совпадение ответов «неверующий» и «атеист» наблюдается у российских студентов. Существенным образом отличаются белорусские

студенты, у которых количество тех, кто определил себя как «неверующий» (27,7%) меньше чем количество тех, кто определил себя как «атеист» (30,3%). Следует отметить, что среди белорусских студентов были достаточно противоречивые ответы: «верующий атеист», «сомневающийся атеист». Возможно в представлениях студентов понятия «атеист» и «антиклерикал» являются тождественными. Данную ситуацию, по мнению авторов, можно объяснить достаточно высоким уровнем религиозной безграмотности среди белорусской молодежи, что может способствовать негативным явлениям в контексте духовной безопасности в условиях процессов десекуляризации на макроуровне. Другими словами, в сознании молодежи создается положительный образ религии, но не объясняется сущности данного феномена. Существует опасность подмены религиозных ценностей псевдорелигиозными. Следует также отметить, что белорусская молодежь является наименее охваченной процессами религиозного просвещения и катехизации. В школах была попытка введения факультативного курса «Основы православной культуры», без альтернативы выбора похожего курса по изучению светской этики или других конфессиональных культур традиционных для Беларуси. В настоящее время данный вопрос снова обсуждается не только на уровне Министерства образования РБ, но и предоставлена возможность для обсуждения родителям школьников и педагогам. Вопрос остается открытым, в какой степени белорусские школьники, их родители и учителя воспользуются возможностью обсуждения данного вопроса и повлияют на принятие решения Министерством образования РБ.

Результаты анализа проведенного исследования среди белорусских, российских, украинских и польских студентов показывают наличие замены религиозной идентификации культурной. В большей степени данное явление проявляется у украинских респондентов, в меньшей степени – у польских. Среди белорусских респондентов «атеистов» оказалось больше, чем тех, кто декларировался как «неверующий». Результаты исследования свидетельствуют о противоречивости и многовекторности процессов секуляризации и десекуляризации, которые отражаются не только на социальных и внутрицерковных процессах, но и на характеристиках религиозности.

Список литературы:

1. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI) Диалектика секуляризации. О разуме и религии. Москва, 2006.
2. Dobbelaere K. Secularization: a Multi-Dimensional Concept // Current sociology. 1981. V. 29.
3. Kozyrska A. Pluralizm wyznaniowy a integracja narodu ukraińskiego po 1991 roku. Toruń, 2014.
4. Адзіночанка В.А. Трансфармацыі рэлігійнай сітуацыі ў сучаснай Беларусі: праблемы, перспектывы, шляхі // На пороге столетия белорусской государственности: социогуманитарный аспект [Текст] : материалы межвуз.

кругл. стола, 06 декабря 2018 г., г. Барановичи, Респ. Беларусь / редкол.: А. В. Демидович (гл. ред.), А. В. Демидович (отв. ред.), З. Н. Козлова и [др.]. Барановичи : РИГ БарГУ. 2018. С. 7-11.

5. Королев С.А. Секуляризация и десекуляризация в контексте концепции псевдоморфного развития России // Философская мысль. 2015. №4. С.1-4.

6. Pawlina K. Religijność polskiej młodzieży [Электронный ресурс]. URL: <https://www.katolik.pl/religijnosc-polskiej-mlodziezy,1156,416,cz.html/> (дата обращения: 27.12.2020).

7. Tułowicki D. Bez Boga, Kościoła i zasad? Studium socjologiczne nad religijnością młodzieży. Kraków. 2012.

И. Л. Грошев

профессор Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК УГРОЗА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социального и технологического развития в контексте социального прогнозирования. Проблематика определяется тенденциями, которые имеют выраженный отстраненный характер от целей и задач, декларируемых в качестве драйверов эволюционных трансформаций. Социальная эксклюзия предопределяет отстранение человека от субъект-объектных отношений, лишает человечество функции контроля, существенно детерминирует роль и статус «Homo sapiens» низводя его до подопытного объекта. Автор определяет негативный сценарий как наиболее вероятный в сложившихся социально-экономических и военно-политических реалиях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машина, мышление, субъект-объектные отношения, технология, социум, безопасность.

Научно-технический прогресс, являясь эволюционным трендом, обладает системообразующими функциями, оказывающими влияние на социальные процессы: с одной стороны, удовлетворяет все возрастающие требования в отношении комфортности проживания и труда человека, с другой – формируя группу тех потребностей, которые не были заявлены ранее. Таким образом, происходит институционализация баланса интересов технологического процесса (НТП) и ожиданий больших социальных групп. Очевидно, что для существующего баланса характерны резонансные флуктуации и циклические амплитудные отклонения. Силы, участвующие в стабилизации системы, целесообразно рассматривать в трёх форматах:

1) взаимодействие объективных социальных и физических законов, по большей части касающихся теории взаимодействия масс (рассмотрены в